

The book cover is a complex collage of various images. At the top center is a blacksmith's anvil. To the right is a dreamcatcher with white feathers. Below the dreamcatcher is a white hard hat with a red star. In the bottom right corner is a black and white photo of a crowd of people, with a small figure of a person in a green vest in the foreground. The background is a dark, textured surface with jagged, torn edges. The title and author's name are in the center, and the age rating is in a circle at the bottom right.

СЕРГЕЙ ЯНИН

ОСКОЛКИ

СБОРНИК

РАССКАЗОВ

A detailed illustration of a woman with long, wavy brown hair, wearing a brown top. She is looking down at a pink lotus flower in a pond. There are green lily pads and another pink lotus flower nearby.

12+

Сергей Николаевич Янин

Осколки. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67634730

SelfPub; 2025

Аннотация

Сборник «Осколки» расскажет вам о семи разнообразных мирах, каждый из которых не похож на другой. Здесь мифы и легенды смешиваются с реальностью, мистика скрывается в обыденных вещах, а магия является научной дисциплиной со своими законами и правилами.

В «Осколках» собраны рассказы на самые разные темы: школьный буллинг, что такое война и как она влияет на людей и нелюдей, чем придётся пожертвовать, если заключишь договор с ведьмой. И, конечно же, любовь. Любовь сверхъестественная, любовь невозможная, но такая желанная.

Жанровый коктейль понравится и любителям классического фэнтези, и фанатам мистики, и тем, кто предпочитает социальную драму.

Содержание

Благодарности (или пару слов вместо предисловия)	4
Желаете повторить?	6
Жертва	20
По законам военного времени	39
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Сергей Янин

Осколки. Сборник рассказов

Благодарности (или пару слов вместо предисловия)

Наверное, перечислить всех тех, кто повлиял на этот сборник не представляется возможным – слишком многие участвовали. Кто-то учил, кто-то помогал, кто-то бомбил на обсуждениях. Но я попробую.

В первую очередь благодарю мою жену, Марину, которая верила (и верит) в меня, даже когда я сам не верю. Она нарисовала для меня эту шикарную обложку, между прочим!

Этого сборника не было бы, если бы за вычитку и редактуру не взялась Виктория Иванова. Я буду всю жизнь благодарен и чуточку должен за это. Обязательно найду способ рассчитаться в будущем.

Этих произведений не было бы, если бы не «Взлётная полоса». В далёком 2013 году меня заметили на областном семинаре в Златоусте и позвали на семинар молодых писате-

лей в Челябинск. И, как сказал классик, «всё заверте...» В связи с этим хочу поблагодарить Нину Александровну Ягодинцеву за терпение, труд и педагогическую чуткость, даже в тех случаях, когда я этого был (по-моему) не достоин.

Здесь же благодарю всех-всех «взлётников», которые участвовали в обсуждениях и семинарах. Порой было больно, но во многом вы были правы.

Не так долго я был знаком с Владимиром Михеевым, но всего за полтора года он показал мне, что проза может быть фактурной в своей нестройности, что можно нарушать правила, если действовать с осторожностью... Он дал много ценных комментариев по рассказам «Лесная стажировка» и «Последние стрелы».

Наконец, я хочу поблагодарить своих альфа-ридеров, которые всегда на связи и готовы в очередной раз прочесть мои косые кривые потуги.

И, конечно же, не могу забыть своих коллег из Златоуста, которые однажды выпнули меня в суровый литературный мир, на первые выездные семинары. Татьяна Ильинична, спасибо за настойчивость!

А ещё сюда нужно обязательно добавить Елену Викторовну Нестерову, которая в далеком 2011 году организовала небольшую студию при своём отделе. Туда я принёс свои первые тексты. Где-то там это всё и началось...

Желаете повторить?

(Рассказ)

Он сидел на корточках в узком окопе. В ушах гудело, голова раскалывалась от шума. Мимо пробежали солдаты с винтовками. Он посмотрел на них и почувствовал, как качнулась земля. Упершись спиной в сыпучую стену, он поглядел на свои грязные руки с большими мозолистыми пальцами – такими ненастоящими, не своими... Казалось, они одеревенели, как и пальцы ног, сдавленные тупой болью: сапоги были ему малы. Сквозь гул прорвался ритмичный стук пулемётов, слышались крики людей. Вздогнул, просыпаясь будто ото сна. Ощупал запачканную глиной гимнастёрку, опустил взгляд – у ног лежала винтовка. Он не поднял её, но зачем-то снял каску и покрутил в руках. Выцветшая звезда едва виднелась под слоем высохшей грязи.

Вдруг к нему подскочил мужчина в офицерском кителе и с силой тряхнул за плечи.

– Федотов! Жить надоело?!

Офицер, молодой южанин с щёткой чёрных усов, выхватил каску и нахлобучил ему на голову.

– Кто?.. Я Федотов?..

– Контузило?! Медпомощи не будет. Терпи! – командир сунул ему в руки винтовку.

В низком сером небе загудели самолёты. Почти сразу заглохла артподготовка.

Он оглядел солдат и не увидел на их лицах страха, словно это и не война вовсе, а пострелушки с игрушечными пистолетами на школьном дворе. Левее, за насыпью с человеческого рост, строчил пулемётчик. Рядом с ним маленький, юркий казах придерживал ленту. Казалось, здесь каждый знал своё дело. Кроме него. Словно он здесь совершенно... не нужен.

Он крепче стиснул винтовку и высунулся из окопа. Дым неровными лоскутами расстилался по изрытому снарядами полю. Метрах в пятидесяти перед ними была ещё одна линия обороны, а далеко впереди, на самой границе видимой зоны, темнели земляные укрепления немцев. Оттуда пулемёты – желтые вспышки в мареве – сыпали градом пуль. По полю передвигались только лёжа. Стоило поднять голову выше – и над каской раздавался смертельный свист.

«Как они тут хоть что-то видят вообще?» – подумал он и прищурился. Но напрасно: невозможно было различить хоть какое-то движение.

– Хорошо стреляют, сволочи! – мужичок с густыми мазками бровей на землистом лице нахмурился и выплюнул пожеванную травинку.

– Лишь бы в атаку не пошли, – ответил ему другой, совсем молодой парнишка, с узким и вытянутым лицом.

Туман войны растянулся и разорвался в клочья, в обра-

зовавшемся окне впереди мелькнули фигуры немцев. Они ползли к поваленным деревьям. Федотов высунулся из окопа и, прицелившись по одному, выстрелил. Боль пронзила правое плечо – отдача была такой сильной, что рука мгновенно онемела. Он не успел разглядеть, попал ли – совсем рядом что-то рвануло. Его осыпало землёй. В левом ухе загудело, перед глазами поплыло. Он сполз вниз, попытался вытрясти из головы этот монотонный звук.

Неподалеку на земле кто-то стонал. Солдат попытался сфокусировать мутный взгляд. Желудок подскочил к горлу – у казаха не было руки по локоть и ноги по бедро. И весь бок в кровавые лохмотья... Тёмные живые глаза бойца постепенно стекленели и угасали, глядя куда-то в пустоту. Он хватал уцелевшей рукой землю, будто старался остаться... Выжить.

Ругнувшись, солдат отполз в сторону. В груди заходило сердце, словно это он лежал там, развороченный взрывом и остывающий. Сквозь тягучий, чуть стихший гул в левом ухе он расслышал чей-то крик.

– Танки! Левый фланг!

– Суки! Обходят!

– К лесу! Селезнёв – прикрываешь! – проорал кто-то.

Чьи-то ноги перескочили окоп. Армия отступала. Хотелось крикнуть: «Почему? Почему вы отступаете? Как вы можете отдавать врагу свою землю?! Герои, мать вашу!».

Солдат перевалился через край окопа и скатился по невысокой земляной насыпи. Сделал паузу, пока фрицы стреля-

ли. Дождался заминки, бросился по-заячьи к стогам сена. Пробежал метров тридцать и подвернул ногу. Бахнули два взрыва – разнесло окоп, в котором он сидел пару мгновений назад. Тут же подскочил тот самый мужичок с густыми бровями, рывком поднял его на ноги. Вместе пробежали несколько метров, и вдруг безымянный товарищ с хрипом рухнул – его гимнастёрка выше поясницы потемнела.

Солдат остановился посреди поля. Он не успел поблагодарить мужика за помощь... Да и попрощаться по-человечески не смог.

Просвистел снаряд. Бухнуло вдалеке, уже у леса. Из дымки выкатился танк с угловатыми, словно наспех сваренными, краями.

«Бежать! Не останавливаться! К чёрту всё! Надо выйти!» – повторял про себя солдат.

Пули свистели, но не задевали. Так он добежал до места, где поле сужалось в клещах соснового леса. Вдалеке виднелись соломенные хутора. Ухнул танк, и бегущих впереди ребят разбросало, как тряпичных кукол. Некоторые из них были ещё живы: они кричали, звали матерей, поливая горячей алой кровью прибитую первыми заморозками траву.

Солдат нырнул за стог. Сердце колотилось. Танки догоняли. В чавкающем лязге гусениц слышалась грубая немецкая речь.

За соседним стогом прятался солдат с противотанковой гранатой в руках. Когда враг подступил, тот перекатился по

земле и нырнул под металлическую махину. Рыкнул взрыв, и танк охватило чёрное едкое пламя. Солдат, не думая о погибшем товарище, рванул к спасительной чаше. Но тут резкая боль пронзила правое бедро, и он завалился в кусты. Пуля прошла по касательной, но крови всё равно было много.

Перекатившись на живот, он приподнялся и с силой замотал головой, пытаясь вытряхнуть себя из этого кошмара.

«Я хочу закончить!»

Мох на камне моргнул белым светом и снова стал зелёным.

«Может, если уйти подальше, всё закончится?» – зажав кровоточащую рану, он поднялся и заковылял вглубь леса.

За спиной слышались догоняющие глухие крики и жуткий скрежет. Он не оборачивался и не сбавлял шаг. Если бы не рана, может, он продолжил бы... Нет, сейчас он не мог. Нужно было уйти подальше от этого, скрыться, найти выход. Боль в ноге нестерпимо жгла и вытягивала его силы. Нельзя было потерять сознание. Очень скоро он наткнулся на неглубокий овраг, через который услужливо перекинулся мостик-дерево.

«Вот так нежданчик!» – он спешно ступил на этот мостик.

Но радость от удачной находки быстро растаяла. С каждым неуверенным шагом, который он делал, пересекая овраг, силы покидали его. В любой другой ситуации он легко бы перебежал на противоположный берег. Но сейчас – не мог. Это новое для него чувство собственной неполноцен-

ности поражало своей неотвратимостью, неподконтрольностью. Казалось бы, такая мелочь, но как меняет сознание и размягчает тело... Он разжал пальцы, и кровь с новой силой заструилась по уже вымокшей штанине. Он остановился. Стёр пот с лица и тихо выругался сквозь зубы. Внезапно мостик пошатнулся, замерцал и через мгновение исчез. Потеряв опору, он сорвался вниз.

Из небытия его вернули люди в чёрной форме. Посмеиваясь, они говорили на языке, не похожем на немецкий. И выглядели совсем не по-арийски: смуглая кожа, чёрные брови, злые глаза, охваченные безумием охоты. Было что-то в них южное, цыганское... Их было двое. Тот, что повыше и с бородкой, выстрелил ему в ногу. Солдат не сразу понял, что кричит от боли. «Южные» лишь рассмеялись и пошли дальше.

Боль быстро принесла забытьё.

В следующий раз он очнулся, когда кто-то тащил его по земле. Его нёс другой боец, здоровый дядька сильно за сорок, с характерным украинским чубом.

– Тише, тише, пацан, – сказал он, услышав, видимо, его стоны. – Я рядом.

Слова успокоили, солдат вновь провалился в сон без сна.

Кто-то окатил его ледяной водой. Боль распахнула дверь

в сонный разум. Солдат увидел перед собой немецкого офицера в безупречно чистой кожаной куртке и высоких сапогах. Настолько блестящих, будто рядом должен был маячить мальчишка с щеткой и банкой чёрного крема.

Фриц сел напротив. В руках у него был маузер.

– Решили добить? – процедил солдат.

– Где ваш штаб? – с акцентом спросил немец.

– Откуда мне знать?

Немец надавил дулом пистолета на простреленное колено, и боль пронзила всё тело, вывернула руки.

– Где ваш штаб? – наклонившись, повторил вопрос немец и сильнее упёрся на ногу. – Ответь и боль закончатся.

– Да не знаю я! – заорал солдат.

Фриц отвесил ему оплеуху рукоятью маузера.

– Не ори, russisches schwein! Отвечай на вопрос!

– Пошёл нахер! Я ничего не знаю! Я обычный солдат!

Удар в левую скулу свалил на пол. Последовали удары – бок, живот, голова...

В какой-то момент офицер гаркнул на подчинённых.

– Штаб.

Солдат, сжав кулаки, процедил сквозь зубы:

– Всё равно мы вас победили, фриц грёбанный! – и, сплюнув комок крови, закричал: – И мы всегда будем побеждать! Чурок, хохлов, пиндосов... Всех врагов России!..

Немец выпрямился и посмотрел на него сверху. Резко взвёл курок, выстрелил.

Звуки погасли. Наступила тьма. Всепоглощающая, сдавливаящая естество своей неотвратимостью, непоколебимостью. Ты можешь просить, ты можешь молиться всем известным и неизвестным богам – но здесь никто тебя не услышит. Никто не придёт тебе на помощь и не отправит на Страшный суд. Потому что существует лишь это Ничто – холодное и молчаливое.

Наверное, именно так и выглядит настоящая смерть.

В глубине тьмы зародился гул. Застучали пулемёты, кто-то крикнул: «Федотов, очнись!».

Двое крепких молодчиков теснили к панельной стене торгового центра пухлого мужичка в очках. Тот, прижимая планшет к груди, сбивчиво тараторил, спеша умирить пыл противников.

– Так, давайте все быстро успокоимся. Процесс нормальный... Его жизни ничего не угрожает. Нужно лишь дождаться, когда он выйдет из симуляции и проснётся.

Рядом на небольшом, с виду – массажном, кресле, в шлеме виртуальной реальности лежал бритоголовый парень. Руки и ноги его были опутаны змеевидными проводами. Парень тяжело дышал и время от времени вздрагивал, как от ударов током. Мимо, ничего не замечая, торопливо проходили люди. Иногда, привлекаемые шумом, некоторые про-

хожие останавливались и на безопасном расстоянии наблюдали за конфликтом. Но никто не вмешивался в него. Пожилой охранник с уставшим лицом стоял в другом конце зала и безучастно следил за входом в магазин. Он слышал шум, но не спешил покидать своё место.

– Какого хрена Колян дёргается? – выпытывал лысый парень в спортивных штанах и футболке с надписью «Вежливый человек».

– Я же объяснял! Это симуляция с полным погружением. Он видит, слышит и чувствует всё, что происходило в сорок первом.

– И боль тоже? – спросил молодчик в бейсболке. На его футболке цвета хаки нелепо висела георгиевская ленточка.

– Не на самом деле. Ему только кажется, что больно. На самом деле, ничего не происходит. Ваш друг сказал: можем повторить... Он хотел боевых действий, и программа нашла ему подходящий сценарий. Понимаете? Технология создаёт проекцию на основе психологического портрета человека... Дождитесь окончания симуляции, и ваш друг очнётся. Невредимым!

– Вытаскивай его сейчас! – скомандовал «вежливый человек».

– Нельзя остановить симуляцию! Это может быть опасно!

– Вытаскивай, а то, нахрен, нос ломаю.

Напротив спорящих мужчин остановился мальчишка лет шести. Сжимая в руках небольшой самолёт времён Великой

Отечественной войны, он хмурился и, казалось, собирался что-то сказать.

– Вашему другу будет очень плохо! – выпалил мужичок.

– Ему и сейчас хреново!

– Не ругайтесь, – вдруг сурово выговорил насупленный мальчик. – Мама говорит, что нужно уважать старших. А этот дядя вас старше.

«Вежливый человек» обернулся.

– Слышь, малой. Иди-ка ты... Мать свою поищи и не мешай взрослым дядям.

Мальчик попятился, глядя на «дядю», и вдруг, повернувшись к нему спиной, побежал к столикам фудкорта. Лысый усмехнулся и скомандовал другу:

– Гоша, хватай ботана!

Вместе они скрутили мужичка и, повалив его на пол, выдернули из рук планшет.

– Эй! – крикнул им охранник, на бегу вытаскивая из-за пояса дубинку.

– Как это вырубить?.. – тыча в экран пальцем, спросил приятеля парень с георгиевской лентой.

«Вежливый человек», освобождая товарища от проводов, небрежно бросил через плечо:

– Да крестик нажми и всё.

Гоша остановил свою «бэху» возле невзрачной типовой пятиэтажки. Один подъезд был похож на другой: сломанная

лавочка, забитая бутылками урна в ореоле окурков. Сколько раз они сидели здесь, выпивали... Гоша подошёл к серой стальной двери со старым домофоном. Набрал номер квартиры.

– Кто? – голос тусклый, еле перекрывающий лёгкий треск помех.

– Это Гоша.

Ноги нехотя несли на третий этаж. Сегодня была не его среда. Утром звонил Киря и сказал, что в отъезде – прийти не сможет. Гоша набрал несколько раз Сохатого – полный игнор. Пришлось ехать самому.

На пороге уже ждала серая выцветшая женщина без возраста. Платок на голове, длинное траурное платье в пол. Лицо в глубоких морщинах, сведённые брови и усталый взгляд. Казалось, она постарела ещё на десять лет с прошлой недели.

– Здравствуйте, Тамара Витальевна, – сказал Гоша и инстинктивно опустил взгляд. Не мог смотреть в её погасшие серые глаза.

Сухой рукой женщина пригласила в дом. Гоша разулся в коридоре и прошагал на кухню.

– Я тут немного фруктов принёс. Вот, – он несмело положил пакет с продуктами на стол.

– Спасибо, – ответ был, как шелест берёзы за окном.

– Как он?

Тамара Витальевна опустилась на стул.

– По-прежнему... Лежит, бредит... Иной день бывают

просветления: меня узнаёт, про вас спрашивает... А иногда – как сегодня...

Её голос надломился, она встала и подошла к окну. Гоша, не в силах оставаться с Тamarой Витальевной наедине, отступил в коридор.

– Я пойду проведу.

Не дожидаясь ответа, он выскользнул в коридор.

Слава лежал на кровати с открытыми глазами, точно труп. Всякий раз, когда Гоша видел друга в таком состоянии, ему хотелось прислушаться, есть ли дыхание. Взгляд пустой, безжизненный, как будто рассматривает небо сквозь потолок, две квартиры и крышу.

– Здорово, дружище, – сказал Гоша, садясь на стул рядом с кроватью друга. Взгляд даже не дёрнулся.

Три месяца прошло, улучшений не было. Обследование выявило серьезные нарушения нейронных связей. Врачи говорили, что Слава «потерялся» в собственной голове.

– Киря не смог сегодня. Уехал в командировку, – извиняющимся тоном, произнёс Гоша. – Даже не знаю, что тебе рассказать. В выхи на футбол в Москву гоняли. «ЦСКА-Локо» смотрели. Крутой матч был. Сохатый голос сорвал, прикинь! Так орал... И всё равно армейцы продули... Вот. Мишаню Иволгина вчера видел. Весь важный такой, как в школе был, в пиджачке. С девчонкой встречается. Раньше таким вафлей был, постоянно люлей получал, а сейчас поднялся, большой начальник, типа. Вот...

В голову ничего не шло.

– А ещё по телеку сказали, что мы новые лазерные установки разрабатываем. Будут ещё технологичнее, чем у америкосов.

Слава ничего не ответил. Гоша посмотрел на беспомощно лежащего друга. Захотелось кого-нибудь ударить. Со всей силы, чтобы кровь ручьём текла, чтоб до хруста костей.

– Мы обязательно добьёмся, чтобы запретили всю их продукцию! Ещё денег у них отсудим! И тебя на ноги поставим! – с жаром сказал Гоша, но, увидев вошедшую в комнату Тамару Витальевну, осёкся. – Ты, главное, не раскисай.

Когда Гоша встал со стула, Слава промычал что-то невнятное.

– Да, братишка, я тут. Слышишь меня?

– Го... Гоша...

– Да, это я! – Гоша посмотрел на Тамару Витальевну, но у той на лице была всё та же непроницаемая скорбная маска.

– Гоша... та... та... танки. Беги... Беги, я их за... задержу.

Слава резко задёргался в конвульсиях. Подскочила мать, схватила сына за руки:

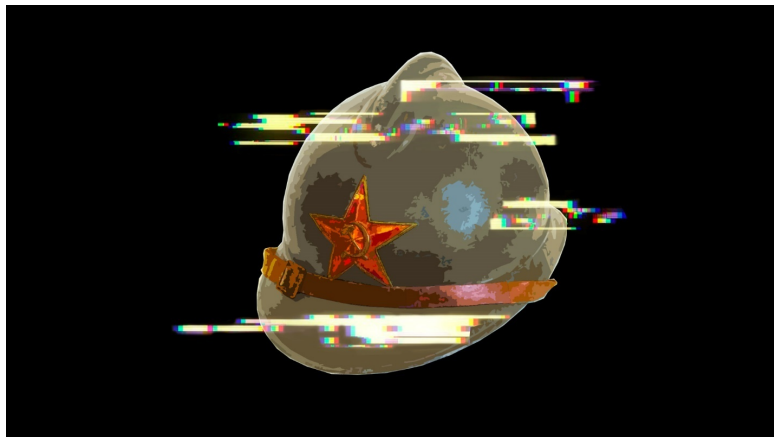
– Слава, успокойся, пожалуйста. Я здесь... Успокойся.

Вполоборота посмотрев на Гошу, она зло произнесла:

– Уходи отсюда.

Гоша пулей вылетел из квартиры, не попрощавшись с Тамарой Витальевной. Внутри нарастал ком ярости. Он сел в «бэух», завёл мотор, и машина с визгом сорвалась с места.

Больше к другу он не приезжал.
2019

Жертва

(Рассказ)

На заднем сидении «жигулей» было нестерпимо жарко. Врывавшийся через окно ветер нещадно жёг кожу, словно наказывал за преступления. Руслан повернулся к своей девушке. Настя, тяжело дыша, без устали обмахивалась кепкой. Капельки пота блестели на лбу и стекали по вискам. Почувствовав на себе его взгляд, Настя фыркнула и махнула кепкой в сторону Руслана. Он улыбнулся и снова посмотрел в окно.

Поле тянулось бескрайним пёстрым покрывалом до самого горизонта. Вдали темнели отроги Уральских гор. Наглядевшись на унылую однообразную степь, Руслан радовался смене рельефа. Но скоро показался уже знакомый поворот. Когда остановились на обочине, Руслан расплатился с водителем и пожелал ему удачной дороги.

Слабый ветерок шелестел набирающими цвет золотистыми подсолнухами, но на дорогу выбираться не решался. На солнцепёке Руслан почувствовал тошноту. Спешно вытащив бутылку из рюкзака, он сделал несколько глотков. Вода оказалась неприятно тёплой. Заметив, что Настя сиротливо осматривается, он сказал:

– Отсюда недалеко, – и указал на лесок, видневшийся в

паре километров.

Девушка, прикрыв глаза ладонью, посмотрела вдаль.

– Ну, недалеко так недалеко, – пожалала плечами она. – Сейчас, погоди...

Настя вытащила из рюкзака крем от загара и намазала себе руки до плеч и лицо.

– Надо?

– Не, я привыкший. Давно пора сбросить кожу, – улыбнулся Руслан.

Настя усмехнулась и, заправив под кепку светлую прядку волос, ласково сказала:

– Ты б голову прикрой.

– Да, верная мысль! – парень порылся в рюкзаке и вытащил цветастую бандану, похожу на ту, что носят велогонщики.

Шли медленно, иногда останавливались попить. Солнце палило жестоко. Хотелось скрыться от него. Но до самого горизонта не было ни деревца, ни облачка. Лишь изредка на потрескавшуюся от зноя землю падала тень хищной птицы, высматривавшей добычу.

Так они прошли ещё минут двадцать. Дорога взобралась на небольшой пригорок, и перед путниками раскинулась вытянутая долина. В её центре блестела тёмно-синяя гладь озера. Один берег, острый и каменистый, порос березняком и резко обрывался в воду, а вдоль другого – пологого и неровно поросшего камышом – раскинулась деревушка.

– Красота какая! – Настя вытянула руки, словно пытаюсь обнять долину.

– Несколько тысяч лет назад сюда упал небольшой метеорит, а после ледникового периода образовалось это озеро. Уникальное место, короче!

– Ну ты и умник у меня.

– Надо же тебя чем-то впечатлить!

– Уже впечатлил, – она вытащила смартфон из кармана и сделала снимок. – Руслан, идём? – Настя переключила камеру для селфи.

– Не... я на фотках уродом получаюсь, – отмахнулся он.

Утолив жажду и переведя дух, они начали спуск.

– Красиво тут, – снова отметила девушка. – Только связь не ловит совсем... Не могу загрузить в инстаграм.

– Да, хорошее место. Тихое, какое-то умиротворённое, – Руслан поправил сползающий с плеч рюкзак. – Насть, помнишь, я тебе рассказывал, что отец у меня экскурсоводил?

– Ага.

– Вот в этой деревне мы обычно заканчивали поход. Любимое воспоминание: после долгого перехода по горам, когда сил уже просто нет, ты с разбегу прыгаешь в прохладное озеро. И кайф!

Он на секунду задумался, смакуя воспоминание.

– А мне никогда походы не нравились. Идёшь, идёшь – куда, зачем? Скуотища. Потом падаешь – ни рук, ни ног поднять не можешь. Палатки эти ещё! Какие там прыжки в

озеро! Не понять мне вас, – Настя, улыбнувшись, взяла его за руку. – Может, компания не та была.

– Скорее всего, – Руслан улыбнулся и поцеловал её пальцы.

Они были солоноватые и необычайно нежные. Он никогда не чувствовал этого раньше, потому крепче прижал их к губам. Настя рассмеялась.

– Что ты делаешь?

– Наслаждаюсь моментом.

Дома на окраине деревни издалека казались жилыми. Но, подходя ближе, девушка увидела утонувший в крапиве забор и заколоченные окна.

– Не твой? – как бы шутя, спросила она.

– Не. Охотничьи домики не строят в посёлках. Разворуют же, – он кивнул в сторону заброшек. – А эти... года два как пустуют.

Руслан говорил тихо, словно боялся обидеть дома.

– А сколько тут вообще живёт людей?

– Даже не знаю. Никогда не интересовался.

На центральной улице, разрезающей деревушку пополам, они увидели гуляющих кур. Петух погнался было за девушкой, но Руслан шугнул его, топнув ногой. Петух, неуклюже взлетев на низенький забор, принялась кукарекать.

– Кто там моих птичек обижает? – слышался недовольный дряхлый голос.

Из приоткрытой калитки высунулось сморщенное, как

урюк, лицо старухи. Выцветшие серовато-зелёные глаза сузились, рассматривая незваных гостей. Потерев длинный нос, старуха ослабилась.

– А-а-а, молодые ребятки приехали. Озерцо как раз прогрелось...

Руслан взял Настю за руку и повёл прочь.

– Баба Яга какая, – прыснула Настя, когда они отошли подальше.

– А что ты хочешь от старого больного человека? Живёт здесь чуть ли не с начала времён и в одиночестве.

– И в этом захолустье? М-да.

– Ну, когда живёшь в нём всю жизнь – привыкаешь, – Руслан нахмурился, что-то обдумывая. – Мне кажется, ей здесь удобно, – добавил он. – Свежий воздух, тишина, своё хозяйство и никто не надоедает.

Деревня осталась за спиной. Дорога спускалась к озеру и у самой кромки поворачивала в сторону. Настя остановилась у воды сделать несколько селфи. Руслан закатил глаза, но терпеливо её дождался.

– Хочешь расскажу башкирскую сказку об этом озере? – спросил он чуть погодя. Настя отвлеклась от камеры.

– Что?

Руслан глубоко вздохнул.

– А... не важно. Сфоткайся вон, на фоне скал.

До охотничьего домика шли молча. Неказистый, невысокий, издалека он напоминал избушку на курьих ножках. Раз-

ве что ножек видно не было. Казалось, вот-вот в дверях появится хозяйка и скажет, что уже затопила печь.

– Ну и домик! – присвистнула Настя, пока Руслан отпирал дверь. – Мне как-то отчим рассказывал, что их строят как попало, но я не думала, что настолько.

Вошли. Руслан оставил рюкзак и пакет в сенях, услужливо открыл дверь и пропустил подругу вперёд. В большой комнате царицей расположилась широкая печь – всё остальное вынуждено было ютиться. Стол со стульями расположился у непривычно высокого от пола окна, а два старых советских дивана, перетянутые новой тканью, рассредоточились по углам. По стенам тянулись полки с пыльными банками.

– А тут уютно, – Настя положила сумку на диван. – Совсем не тот туристический минимализм, который я себе представляла.

– С миру по нитке собирали, – ответил Руслан и стянул потную майку.

– Неплохое начало, – ухмыльнулась Настя.

– Это ещё что!.. Дальше будет только интереснее!

Девушка улыбнулась, подошла ближе и игриво, едва заметно, чмокнула его в щёку. Руслан притянул Настю ближе и поцеловал в губы.

– Охотно верю, – шёпотом сказала она и прижалась к его груди, переводя дыхание после долгого поцелуя.

Руслан погладил её по волосам.

– Пойду мясом займусь.

Он вытащил пакет угля, средство для розжига и вышел на улицу.

Возясь с мангалом, окучивая огонь железным прутом, Руслан напевал себе под нос песенку Короля и Шута «Лесник». Пока всё шло так, как он и задумывал. Теперь дело за мясом и вином. Хлопнула дверь. Руслан ещё раз сильно дунул на угли, распаляя огонь, и выпрямился.

– Неплохо для городского, – сказала Настя и приобняла его за пояс.

– Были сомнения?

– Нет. Просто удивилась, что огонь разводишь, как мой отчим – охотник, – она втянула носом запах костра.

– Не первый раз в жизни готовлю шашлыки на природе, – усмехнулся он и небольшой пластмассовой дощечкой принялся махать над мангалом. – Принеси лучше шампуров и мясо. Скоро будем насаживать.

Через полчаса, потягивая сухое вино, они болтали обо всём и ни о чём. Настя жаловалась ему на скучных подругов и унылую общагу. Руслан больше молчал и слушал, иногда говорил несколько фраз и снова замолкал.

Их знакомство было до крайности нелепым. Руслан сразу приметил привлекательную блондинку, без умолку щебетавшую в очереди на аттракцион «Катапульта». Он хотел быть галантным и обходительным – подойти, представиться, обсыпать девушку комплиментами, как конфетти... но в дело вмешался какой-то пьяный мужик, в самый ответственный

момент толкнувший его в спину. Вместо комплиментов пришлось извиняться, а в качестве ещё одного жеста – пригласить в ресторан.

Впрочем, Настя сразу на него запала. Она ловила каждый его взгляд, искала с ним встречи после учёбы и даже как-то приехала, когда он валялся дома с температурой под сорок. На своём дне рождения, когда они танцевали под «Behind Blue Eyes», девушка призналась, что не хотела с ним встречаться из-за недавнего разрыва с парнем, но эта встреча вселила в неё надежду. Она не раз говорила, что их свела судьба.

Руслан в судьбу не верил.

За разговором вино ушло неприлично быстро, а вместе с ним и яркие краски дня. Казалось, солнце только что цеплялось за холм, и вот уже озеро, лес и деревня тонули в сиреневой дымке. Руслан сходил в дом и принёс тёплый плед. Настя заметила, «как тут уютно» и «всё есть», а он лишь пожал плечами и ответил: «Отцовские друзья постарались».

Огонь в мангале догорал, угли тихо потрескивали, иногда чихая искрами. Было тепло, но Руслан и Настя всё равно прижимались друг к другу. Она запрокинула голову.

– Посмотри, – тихо сказала она. – Как много на небе звёзд. Весь Млечный путь, да?

Она достала смартфон и попыталась сделать фото, но камера была бессильна запечатлеть реальную картину.

– Знаешь, а ведь это место изменило мою жизнь. Когда-то давно, – вдруг сказал Руслан, рисуя палочкой круг и две па-

раллельные прямые в нём; он вздохнул и продолжил: – Когда мы приезжали сюда с родителями в детстве, я плавал в этом озере до посиневших губ. А потом кутался на берегу в полотенце и трялся от холода. Мир был так интересен, всё меня волновало и радовало. А сейчас... Я словно засох внутри. Хожу по дну осушённого моря и собираю кости погибших рыб...

Настя придвинулась ближе и поцеловала Руслана. Он ответил не сразу, словно нехотя, но потом зажегся, притянул её к себе. Поцелуй был долгим и чуточку горьким из-за выпитого вина. Два месяца он выполнял всё по инструкции: гладил её по спине и шее, когда они обнимались, целовал, когда видел её приоткрытые губы и порозовевшие щёки. Но лишь сейчас он различил слабые глухие удары своего сердца, словно оно до сих пор молча пряталось в грудной клетке, боясь выдать себя. Собственную неполноценность.

Когда они разомкнули губы, Руслан провёл пальцами по её щеке и тихо-тихо, почти шёпотом, спросил:

– Насть, ты когда-нибудь купалась при луне?

Девушка, не открывая глаз, ответила:

– Неа.

– Пойдём?

– У меня нет купальника...

– А он будет нужен? – ухмыльнулся он и потянул подругу за собой.

Они шли по тропинке, освещая себе путь фонариком на

мобильном телефоне Насти. И всю дорогу в Руслане смешивались ликование и страх.

Озеро не двигалось. Чудилось, что по его лунной дорожке можно взобраться на звездное небо. Тишина стояла жуткая, неживая – даже лягушки боялись квакать.

Руслан подошёл со спины, обнял Настю за плечи, по которым тут же пробежали мурашки. Её кожа была такой тёплой и мягкой – он вновь начинал чувствовать...

Нагие они вошли в пахнущую водорослями прохладную воду. Осторожно ступая по пологому каменистому дну, Настя завела Руслана в озеро по пояс, и развернулась. В лунном свете она была как никогда бледна.

– Руся, ты чего? – она зачерпнула ладонью воду и плеснула в парня, подошла поближе, провела пальцами по его волосам. – Что с тобой?

Её лицо исказилось не сразу. Сначала тень сомнения мелькнула в глазах. Девушка отняла руку и поражённо застыла. Она впервые увидела его истинное обличие. Будто только сейчас водой смыло ту маску, что он всё это время носил.

Руслан чувствовал, как в незримом пожаре сгорают остатки его притворства. Больше он не сыграет для неё доброго и любящего парня. Он шагнул к ней навстречу, и девушка отшатнулась.

– Что... что случилось? Я не понимаю, – она запаниковала и сделала несколько шагов назад.

Нога угодила между камнями, и Настя рухнула. Вода приняла её, как обещанный дар, крепко удерживая невидимыми руками, пока девушка барахталась и тянула руки к поверхности. А Руслан стоял и наблюдал.

Когда всё закончилось, и жертва была принесена, он ещё долго разглядывал своё отражение в чёрной воде. Он пытался найти хотя бы черточку себя прежнего, но видел только нежить с засушенной кожей и зелёными глазами.

На берегу Руслан оделся, бесцеремонно скомкал одежду девушки. Из кармана джинсов выпал её телефон. Руслан провёл пальцем по экрану. На заставке стояла фотография – на ней Настя в лёгком кружевном платье смущённо улыбалась. Он сам сделал этот снимок. Руслана замутило, во рту стало сухо и горько. Он заорал и с разбегу швырнул телефон в немое чёрное озеро.

Эмоции возвращались волнами. Сердце неистово застучало в рёбра. До того почти мёртвое и бездвижное, оно словно бы рвалось из этого тела. Из тела отвратительного существа. Ощущения и чувства заполняли его опустошенное естество. Конечно, через каких-то двадцать-тридцать минут всё прекратится. Надо было немного потерпеть, совсем чуть-чуть. Возвращаясь к домику, Руслан едва сдерживался, чтобы не зарыдать.

Сон был рваный. Неясные образы и очертания таились

в туманной дымке. Руслан видел людей, театрально застывших в разных позах. Они были живы, но их тела уже разлагались. Когда он проходил мимо, тела поворачивались и смотрели ему в спину. Потом он долго плутал по туманному миру в надежде отыскать хоть кого-то живого, но нашёл только рассвет.

Руслан вышел на крыльцо, потянулся. Солнце ещё не успело подняться над холмом и прогнать утренние сумерки. Он умылся из бочки с водой и взял тарелку с оставшимся шашлыком. Возвращаясь в дом, он увидел Настины вещи, брошенные вчера в сених. Дожевав шашлык, он сходил за средством для розжига. На заднем дворе он сложил в пустую бочку её рюкзак и одежду, выдавил остатки розжига и чиркнул спичкой.

Заправив диван и покидав вещи в свой рюкзак, Руслан запер дверь и направился к трассе. Над озером завивались клубы серого тумана, они казались последними отголосками беспокойного сна. Руслан старался не смотреть на них. Надеясь поймать попутку до ближайшего села и там сесть на автобус, он ускорил шаг.

Его жизнь изменилась три года назад. Тогда стоял такой же жаркий август. Отец взял его в туристический поход. Маршрут как раз заканчивался в охотничьем домике возле озера. Уставшие после двухдневного перехода по горам и лесам, ребята побросали рюкзаки и убежали купаться.

Первые прыжки со скалы распалили Руслана. Он забирал-

ся всё выше, прыгал всё дальше, разбежался, делал сальто себе на потеху. Он так был занят поиском «идеального трюка», что не заметил, как спрыгнул в густо растущие водоросли. Тугие лианы мгновенно опутали его ноги. Руслан запаниковал, начал барахтаться, всё сильнее запутываясь. Он уже чувствовал плывущую в его сторону смерть, когда рядом возникла зеленоглазая девушка.

Лишь сидя на берегу и отплёвываясь от затхлого вкуса воды, Руслан вспомнил странную телепатическую связь, её предложение и его согласие. Всё это могло бы быть выдумкой, если бы не отчётливый вкус её горьких губ.

На утро, когда группа собиралась в город, спасительница пришла к нему под видом сухонькой старушенции. Она отвела Руслана в сторону и сказала, что его долг будет оплачен, если он принесёт ей жертву – утопит пять девушек в этом озере. А до тех пор, он будет проклят – мёртв внутри.

Руслан не поверил её словам. Он продолжал жить нормальной жизнью: ходил в универ, общался с друзьями, занимался спортом, но день за днём его эмоции угасали. Его перестали интересовать девушки, он избегал разговоров с родителями и боялся однажды проснуться совершенно пустым. Сначала он списывал всё на осеннюю хандру, но прошла зима и весна, а он всё ещё чувствовал, что умирает.

Руслан боролся, как мог. Он старался не думать о долге, пытался остановить свои угасающие эмоции: прыгал с парашютом, гонял по ночным улицам, пробовал спиды, но адре-

балиновый угар спадал быстро, снова погружая в мрачную безжизненную пучину.

А в начале мая этого года он повстречал свою первую любовь, за которой бегал хвостиком всю школу. Её как раз бросил молодой человек, а Руслан оказался, внезапно, таким притягательным, словно сияющим... Она легко согласилась на поездку за город.

Возвращаясь через деревню, Руслан проматывал в голове воспоминания, потому не сразу заметил женщину средних лет. Она сидела у калитки и чистила свеклу, опуская овощи в кастрюлю с иссиня-мутной водой. Пристальный взгляд её зелёных глаз заставил Руслана остановиться.

– Я уж думала, не заметишь. Наверное, если бы я была молодой и спелой, ты бы точно не прошёл мимо, – она усмехнулась глазами.

– Что случилось?

– Решила похвалить тебя за мастерство. Как ты её! Одним лишь взглядом! Ловко!

Руслан изменился в лице.

– Гордись! – повысила голос женщина. – В твоей жизни совсем не осталось поводов. Не гордиться же тебе этими своими штучками со вскрытием вен, – она расхохоталась. – Помнится, пару лет назад ты уж очень не хотел умирать. Там, в озере. Помнишь?

– Помню, – у Руслана перехватило дыхание.

– Не понимаю вас, людишек. Сначала боретесь за свою

жизнь, а потом добровольно затягивает петлю на своей шее. Снова и снова, и снова...

Руслан посмотрел на неё, гнев обуял его. Это она была причиной всего – всей этой пустоты, всей этой грязи, которую он сделал... Если бы не она, он бы снова зажил, как раньше. Руслан перевёл взгляд на нож в её руках. Этот нож похож инструмент, на ключ от двери, ведущей из кошмара...

Женщина разрезала свёклу и кинула в кастрюлю.

– Я знаю, о чём ты думаешь, – она усмехнулась. – Слышу твои мысли. Не такие уж мы и разные, Руслан. В тебе тоже есть хаос. Моё проклятие лишь подтолкнуло тебя к нему.

Руслан молчал. Он и сам замечал, что в первые дни после жертвоприношения у него просыпался аппетит, он ощущал запахи, его тянуло к девушкам. Конечно, он всё так же был немощен в постели, но во всём остальном чувствовал себя полноценным. Страшные слова, сказанные озерной ведьмой, были правдой.

Руслан собрал всю оставшуюся в его теле решимость и сказал:

– Я не приведу к тебе больше ни одной девушки, – он подошёл ближе и плюнул в кастрюлю со свёклой.

Ведьма не кричала ему в след, не угрожала. Она молчала. А Руслан боялся обернуться. Лишь, когда деревня скрылась за холмом, он опустил плечи и тяжело выдохнул, словно всё это время держал в лёгких воздух.

Руслану повезло. Он довольно быстро поймал попутку,

мужик согласился подбросить его до города. В голове его ещё шумела злость. Она давила на виски. Чем дольше он думал о проклятии, убийствах девушек и словах ведьмы, тем сильнее убеждался в верности сделанного им выбора. Он должен был разорвать этот круг и понести заслуженное наказание.

На вокзале Руслан расплатился с водителем и побрёл в сторону дома. Лёгкий рюкзак висел ярмом. Из головы не выходили мысли о мертвецах из его сна и загубленной им Насте. Он понуро шёл по пустынной улице, когда заметил впереди девушку с копной пышных чёрных волос. Руслан и до проклятия всегда оживлялся, видя симпатичную девушку, ему нравилось любоваться чертами лица и изгибами фигуры, даже если знакомство по какой-то причине было невозможно. Он перебирал в мыслях фразы, подыскивая ту, с которой можно было бы начать всё с нуля...

Но когда они поравнялись, все слова застряли в его горле – лицо девушки исказилось и на мгновение почернело.

«Наверное, мне почудилось. Привиделось, – сказал он себе. – Я просто перегрелся на солнце или схватил тепловой удар в машине».

Он принялся на ходу массировать виски, стараясь унять нарастающую головную боль. Срезая через детскую площадку, он заметил на лавочке соседку, тётю Любу. Она была маминой знакомой. Женщина с ним поздоровалась, а Руслан... резко врос в землю и побелел.

– Что с тобой, Русланчик? – произнесли обескровленные губы.

Парень бросился к дому и чуть не сшиб пятилетнюю внучку тёти Любы. Девочка выскочила ему навстречу с распростёртыми объятиями. Её иссушенные ручки скользнули по ногам Руслана и оцарапали их, как ветки акации. Парень перескочил через невысокий заборчик и трясущимися пальцами приложил ключ к домофону.

В подъезде было сыро и прохладно. Руслан остановился в предбаннике. Ему не хватало воздуха. Каменные лестницы плыли перед глазами.

В голове шумело, и сквозь этот шум пробивалась лишь одна мысль. Как азбука Морзе, как сигнал о помощи, как космический свет далёких звёзд...

Все женщины стали нежитью!

2019

По законам военного времени

(Рассказ)

1

На железнодорожной станции Багряный дол Сим услышал стук тяжёлых ботинок. Это новый пассажир двигался по вагону. Шумя поклажей, он медленно приближался к купе. Сим накрылся колючим одеялом и сделал небольшое оконце в его складках. Появившийся через мгновение пассажир был настоящим гномом! Невысокий, кряжистый, лысый, с длинной нечёсаной бородой-лопатой.

Осторожно положив короткий меч на деревянные нары, гном сбросил заплечный мешок, который тут же, ударившись об пол, звякнул железом. Отодвинув его в сторону, гном, кряхтя, снял мокрый походный плащ и повесил его на гвоздь. Затаивший дыхание Сим заметил на поясе нового пассажира внушительного вида пистоль с ударником в виде головы цапли. Наблюдая за гномом, мальчик боялся пошевелиться и выдать себя. Даже когда тот улёгся и задремал, он продолжал следить за ним, не вылезая из-под одеяла.

Тем временем поезд, покинув дождливую мрачную станцию, уже всюю нёсся к залитым рассветным солнцем пере-логам.

2

– Сим! Просыпайся! Всю жизнь так проспийшь! – голос старшего брата вытянул мальчика из глубокого сна.

Симмек сел и вяло захлопал глазами. Ему снился дом и няня Виша, она наливала в деревянную кружку парное молоко. Как же Сим не хотел отпускать этот сон!

– Давай-давай, – Хобб взъерошил его волосы.

Сим поднял на него глаза. Брат, уперев руки в бока, возвышался над ним. Это была его излюбленная поза, перенятая у коменданта Игвардсона из лагеря беженцев под Имметом.

Хобб был вдвое старше Симмека и в свои четырнадцать успел почувствовать войну буквально собственной шкурой. На его смуглом лице остались неглубокие шрамы от осколков разорвавшейся в лагере бомбы. Совсем юное лицо только начало грубеть – нос и скулы заострились, всё больше придавая сходства с отцом, а черные волосы, неровно постриженные в лагере, разрослись до вороньего гнезда.

Симмек был противоположностью брату: пухлощёк, сероглаз, а его кожа напоминала цвет молодого абрикоса. Он был добр и рассудителен, спокоен и смирен. Бабки в деревне говорили, что мальчик пошёл в мать. Мол, она не только отдала за него жизнь, но и вложила в сына собственную душу.

Завтракали они снова вяленным мясом. По правде сказать, в мешке у них не было иной еды, разве что фрукты. Сим, стараясь не глядеть на ночного пассажира, давился, но ел. После он долго не мог избавиться от солоноватого привкуса. Хобб первое время, казалось, совсем не замечал необычного

попутчика. Лишь когда гном зашевелился и почесал бороду, парень едва слышно пробормотал:

– Глядите-ка, предатель проснулся! – и демонстративно отвернулся, словно третье место в купе было пусто.

Сим же осмелел. Он поглядывал на гнома искоса, делая вид, что с интересом изучает свои грязные пальцы на ногах. Чтобы не сердить брата, мальчик попытался занять себя созерцанием пейзажа. Одинаковые весенние поля монотонно сменялись кленовыми рощами – это быстро наскучило Симу. Наконец Хобб, наказав ни с кем не разговаривать, снова ушёл играть в кости. И скоро его недовольные возгласы, как и вчера вечером, опять доносились из другого конца вагона.

Не находя себе занятия, Сим посмотрел на гнома. Тот, привалившись к стенке, сосредоточенно изучал потрёпанную книгу. На её мягкой обложке были выгравированы символы.

– Вы правда... гном? – наконец решился на вопрос Сим.

– Что? Не похож? – добродушно усмехнулся карлик и провёл рукой по бороде.

Мальчик подполз ближе. Теперь он мог разглядеть проседь в чёрной бороде и все, даже самые мелкие, морщинки на лице попутчика.

– Похож, похож! – обрадовался мальчик и тут же протаторил: – Я, честно, никогда раньше гномов не видел, но вы, на мой взгляд, подошли бы... – Симмек запнулся от избытка чувств.

Гном рассмеялся.

– Да, малой, я настоящий гном, – уже серьёзнее сказал он.

– А что за книгу вы читаете?

– Походный дневник отца моего отца.

– Интересно?

– Познавательно, я бы сказал.

Симмек пересел к гному и заглянул в книгу: символы там были такими же, как на обложке.

– Написано от руки...

– Да, походные дневники так и пишутся.

– А о чём здесь? Я слишком мал и не знаю гномий язык, – вздохнул с сожалением Сим.

– Отец моего отца восемьдесят лет назад отправился на север к высокогорным собратьям и записал своё путешествие в этот дневник. В силу того, что мой путь ныне повторяет его, я решил почитать эти заметки. Возможно, они помогут выполнить порученное мне задание.

– Задание? – с придыханием произнёс Симмек.

Гном кивнул.

– Сложное?

– Как знать. Я лишь в начале пути.

Увлечённый разговором, мальчик не заметил, как вернулся брат. Увидев, что Сим мило беседует с гномом, Хобб схватил его за руку и усадил на свою полку.

– О чём мы говорили, когда садились в поезд? – строго спросил Хобб, уперев руки в бока.

– О том, что мы никому не должны доверять, – испуганно отчеканил мальчик.

– О чём я просил тебя, когда уходил?

– Чтобы я ни с кем не разговаривал...

– И почему же ты тогда болтаешь с этим отребьем?

– М-мне было скучно... – у Сима на глазах навернулись слёзы.

Хобб раздражённо вытащил из-под полки походный мешок. Порывшись в нём, он нашёл карандаш и толстую книжку в дорогом кожаном переплёте. Беззастенчиво выдернув из неё страницу, он положил её рядом с Симмеком.

– Рисуй! Я скоро вернусь.

– Но Хобб...

– И чтоб я больше не видел, что ты треплешься с этим предателем. Смотри, не то я очень сильно рассержусь!

– Хорошо, – понутив голову, согласился Сим.

Хобб уже собирался уйти, но младший брат схватил его за руку.

– Что еще? – с раздражением спросил парень.

– Почему ты зовёшь гнома предателем?

– Потому что из-за таких, как он, погиб наш отец!

Хобб бросил гневный взгляд на невозмутимого гнома, всё это время безмятежно наблюдающего за происходящим, и снова ушёл.

ризонта и пологий склон, плавно спускающийся к тихой озерной заводи. Но проделав в кромке озера внушительную дырку, мальчик тут же отложил карандаш. Рисовать на ноге ему совсем не нравилось. Разглядывая швы на железном толке, Сим снова обратился к гному.

– Простите моего брата. Он не хотел вас обидеть.

– Мне так не показалось, – оторвавшись от чтения, отозвался гном.

– Честно-честно, – мальчик сел и поджал ноги. – Он – хороший, заботится обо мне.

Гном хмыкнул и, лизнув палец, перелистнул страницу.

– Я знаю, что вы не виноваты в смерти нашего отца. Он погиб смертью героя, защищая Иммет.

– Горнило Эллета? – гном тяжело вздохнул.

Симмек кивнул.

– Сочувствую тебе, малой.

Гном задумчиво поглядел в окно. Они ехали на небольшом возвышении, и зеленая скатерть лугов с редкими островками дубов и вязов, казалось, замерла в ожидании. Так замирает добыча, загнанная хищником в угол: жертва знает, что может ещё сражаться, но чувствует, что битва будет последней.

Юго-запад полыхал в огне войны. Долгие годы Империя пожирала маленькие королевства вокруг себя. Раздробленные войска мелких графов не могли умирить собственный эгоизм и проигрывали организованному строю «се-

рых» войск. Другие королевства поглощались династическими браками и последующей внезапной смертью правящего монарха. А некоторых подчиняли экономически, превращая в сырьевые придатки.

Нападение на Дымное королевство было внезапным и ожидаемым одновременно. Многие правители Северных земель понимали, что Империя не умерит аппетиты, получив контроль над южными морями и торговыми путями с запустынными королевствами. Ничего не предпринимая для предотвращения беды, они воспитали у собственных границ монстра, намеревающегося захватить весь континент.

Столб дыма разрезал голубизну весеннего неба. Гном, заметив его первым, быстро приподнялся на локтях.

– Диверсия? – едва слышно пробормотал он и нахмурился. – Нет-нет, “серые” не должны были пробраться так далеко на северо-запад.

Откинувшись к стене, он покачал головой, прогоняя мрачные догадки.

Когда поезд миновал один из лысых холмов, гном увидел, что дымом чадила труба. Она была так же высока, как и шпиль городской ратуши, возвышавшийся в центре городка. Они подъезжали к Пройнину.

– Дядя гном, а вы воевали?

Гном нервно кашлянул.

– Дядей гномом меня не звали уже лет двадцать, – усмехнулся он и положил книгу на живот. – Так дело не пойдёт.

Лучше обращайся ко мне: тэр Дукин.

Симмек кивнул.

– Воевал. Конечно, не так, как это делаете вы, люди. Я командовал небольшим отрядом, собранном в моём родном Ки Хароме. Мы совершали вылазки на захваченную территорию и проводили диверсии: взрывали склады с боеприпасами, сжигали провизию, грабили фуражи. Несколько наших диверсий даже помогли выстоять Инненгу полтора месяца. За это время женщин и детей успели отправить в Иммет, глубоко в тыл, – гном вздохнул. – Правда, оба города всё равно превратились в руины.

Заметив в проходе возвращающегося Хобба, Дукин снова взялся за книгу. Юноша был взъерошен. Бросив на кровать кожаный мешочек с деньгами, Хобб опустился на свою полку и подтянул ноги к груди. Симмек присел рядом.

– Хобб, что случилось?

– Не вникай, Сим, – раздражённо отмахнулся брат.

Мальчик незаметно пощупал кошелек. Тот заметно отошел.

– Ты снова играл на деньги?

Хобб зло глянул на младшего брата и схватил кошелек.

– Я знаю, что делаю, – парень вытащил походный мешок, швырнул деньги и задвинул поклажу ногой. – Ну, что нарисовал?

Симмек потупил взор.

– Опять трещал с этим...

– Нет, – соврал мальчик. – В окно смотрел.

Хобб глянул на гнома. Тот продолжал читать, будто разговор не касался его.

– Ты помнишь, что получают лгуны? – грозно спросил старший брат.

Мальчик, не подымая головы, кивнул. Хоббу этого было недостаточно.

– Повтори. Вслух.

– Двадцать отжиманий.

В вагон вошли два охранника в тёмно-синих дублетах торговой компании. При их виде пассажиры оживились.

Охранников в поезда пустили после нападения Империи на Дымное королевство. Им полагалось следить за порядком, утихомиривать споры и, чего уж молчать, следить за пассажирами. Каждого подозревали в пособничестве «серым», каждый был потенциальным шпионом или предателем. Особенно после диверсии в поезде, шедшем из Инненга в Иммет.

Высокие и широкоплечие охранники издалека походили на братьев, только один был старше другого лет на пятнадцать. На самом деле они не были даже близкими родственниками, просто в их родных краях почти все люди темно-волосые, с высокими скулами, черными густыми бровями и глубоко посаженными глазами, будто они всегда чем-то озабочены и потому сердиты. Тот, что постарше, носил на поясе короткий обоюдоострый меч, у младшего на бедре висела

пистоль.

Охранники подходили к людям и спрашивали, есть ли у них какие-то жалобы. Иногда они перешучивались, стараясь подбодрить пассажиров. Многие ехали из тех мест, где давным-давно никто не улыбался. Дойдя до купе с братьями, охранники первым делом обратились к гному, чем раздосадовали Хобба, который пытался первым завязать беседу.

– Тэр Дукин, наше почтение, – старший охранник совершил полупоклон (младший едва кивнул). – Всё в порядке? Никто вам не надоедает?

Гном закрыл книгу и сложил руки на ней, сделавшись похожим на старенького деда, которого разбудили непоседливые внуки.

– Нет, нет, что вы.

– А вы, молодые люди? – осведомился старший охранник у братьев.

– Нас всё... – начал было говорить Сим, но Хобб больно сжал ему локоть и перебил.

– ... устроило бы, если бы не приходилось делить вагон с мерзким гномом. В остальном у меня нет претензий.

Запустив гному «жука» под кожу, молодой человек ждал от него ответной реакции. Ироничного замечания, может быть, гневной тирады – чего угодно, лишь бы вывести недомерка из раздражающего равновесия. Но гном лишь улыбнулся в ответ. Охранники молча переглянулись и отправились дальше по вагону. От приподнятого настроения у них

не осталось и следа.

Меж тем поезд медленно въехал в город. Небо потемнело от плотной тучной пыли, выдыхаемой трубой. За окном потянулись хлипкие хибарки пригорода. Состав медленно сдавал ход.

4

Дукин, заправив табак в увесистую трубку, по форме похожую на наковальню, заранее двинулся к выходу. Он погрузился в собственные думы, часть из которых касалась его путешествия в Рэйджволт, другая – двух братьев, деливших с ним купе. Он никак не мог понять, почему старший брат столь холоден к младшему? Его не заботило отношение старшего к нему самому. Дукин привык к ненависти людей, хоть и не до конца понимал её природу.

Поезд в последний раз легонько дёрнуло, и он остановился. Пассажиры заспешили на выход, проторя себе дорогу по узкому коридору тюками с пожитками.

Дукин спустился следом за молодым охранником и остановился, вдыхая слабый аромат жжёной бумаги. Он напомнил ему дом с горящими печами, вздымающимися кузнечными мехами и ядрёным запахом пота гномьих тел, попеременно бьющих кувалдами по мягкому, податливому металлу. Дукин никогда не покидал Ки Харом надолго, даже когда командовал партизанским отрядом. Он чувствовал странную борьбу между жадой путешествий и желанием вернуться в родной дом до той степени, что начинал испы-

тивать беспокойство. Вот и сейчас, стоя на перроне в Пройнине, он ощущал, что теряет связь с родными подземельями.

Гном поджёг трубку и вдохнул дым выращенного на склонах родных гор табака. Вглядываясь в лица людей, он пытался проникнуть в их сущность. Взгляд Дукина остановился на женщине с двумя маленькими детьми. От страха малыши жались к матери и боязливо прятали лица в складках её просторного сарафана. Она была уже не молода и ей тяжело дался переезд. Думая о ней, Дукин представил картину: деревня с шуршащей пшеничной пашней и дом где-то на краю жёлтого колосащегося ковра, может быть, в тени высоких деревьев, посаженных основателем династии. Но случилась война. Муж этой женщины, уходя воевать с Империей, наказал уехать с детьми подальше. И вот она, растерянная и безмерно уставшая, стоит посреди чужого города в чужой стране и не имеет ни малейшего представления, что делать дальше. Что делать ей, обычной деревенской женщине, в заводском городе...

Дукин не представлял на месте этой женщины изгнанную из родных чертогов гномиху. Их король или откупится золотом, сколь бы высокую цену не потребовал враг, или прикажет народу биться за родной дом. Гномы останутся в своих чертогах. Живые или мёртвые. Дукин выдохнул. Перевёл взгляд на молодого охранника, стоявшего рядом. Тот озираясь по сторонам, словно боялся каждого прохожего человека.

Перрон Проинина был многолюден. Как-то раз Дукин был у знакомого гнома на пчелиной ферме, и толпа на вокзале представилась ему вот таким пчелиным роем, который потерял королеву-мать. Среди скромных деревенских одёж мелькали и элегантные фраки, и рабочие робы, и даже несколько дамских платьев с роскошными шляпками.

Однако дух войны пробрался с беженцами на север, затесался в узких привокзальных улочках, въелся в серые стены домов и изменил облик общества. Тут и там проглядывали затёртые плакаты с призывами пойти в добровольцы или встать у станка и делать пистолы и мечи для армии. Усиленные наряды полицейских ходили взад и вперёд, по большей части помогая сориентироваться на месте и разъясняя людям, как выйти с вокзала, как найти транспорт. И всё же Дукину казалось, что вся эта вычурная вежливость – лишь способ успокоить людей, бежавших от войны. Иногда из толпы выныривали мальчишки в мешковатых пиджаках на два-три размера больше, чем нужно, с газетками в руках. Они за бешеные пять райкатов¹ предлагали свежие новости с фронта.

– Империя остановлена под Симмитарией! Войско Объединённой армии теснит врагов у Золотых дубов! Полиция предотвратила диверсию на заводе в Хураде! Городничий Проинина вышел работать в цех! Покупайте свежий номер Проининского вестника! – доносились выкрики назойливых мальчишек.

¹ Райкат – медная монета, достоинством 25 рейлонов (железных).

Торговля шла на славу. Люди толпились у этих островков доступной правды, готовые платить уперённую цену, лишь бы быть в курсе событий.

Как-то внезапно на глаза Дукину попалось два мужика, отделившихся от толпы. Их вид не предвещал ничего хорошего. Первый – высокий и худой, был одет в штопанный-перештопанный чёрный костюм, из-под которого торчали концы драной серой рубахи. У него было узкое некрасивое лицо, заострённый подбородок, неровно поросший бородой, тонкий кривой нос и мелкие крысиные глазки, бросающие острые взгляды по сторонам. Второй был ниже ростом, крепче телом и больше напоминал вышибалу из бара, по утрам забивающего ради удовольствия скот. Он был лысым, но тонкие губы терялись в нечёсаной чёрной бороде, покрывающей и щёки, и подбородок, и большую часть шеи. На нём была простая просторная серая рубаха, вся в пятнах от пива и, похоже, запекшейся крови. На поясе у него болтался кинжал, завёрнутый в простую тряпку.

Они уверенным шагом направлялись ко входу в вагон, но Дукин решительно преградил им дорогу, удивив молодого охранника, потянувшегося к пистолу.

– Не мешайся, карлик, – лысый попытался оттеснить гнома, но тот ловко перехватил его руку и надавил на суставы пальцев.

Мужик выругался и отошёл назад.

– Или предъявляй билет этому молодому человеку, или

топай, откуда пришёл, – процедил гном, не вытаскивая трубку изо рта.

– Билеты остались в вагоне, – отозвался долговязый.

Голос у него был торопливый, заискивающий. Таким обычно забалтывают клиентов торгаши на рынках.

– Я бы заметил таких проходимцев в своём вагоне, – гном невозмутимо сделал шаг вперед и легонько оттолкнул лысого мужика от себя.

Подельники переглянулись и усмехнулись.

– А ты любишь дерзить незнакомцам, гном? – спросил лысый, обнажив гнилые зубы, и дыхнул на Дукина перегаром.

Мужик потянулся к кинжалу на поясе; гном это заметил.

– Как и ты, – Дукин поправил пояс так, чтобы противники увидели пистоль.

Оружие остудило их норы. Долговязый, следя за действиями напарника, отступил назад. Гном понимал, что им не выгодно устраивать потасовку прямо на перроне, тем более в присутствии охранника, потому спокойно сложил руки на груди, дожидаясь реакции лысого. Молчаливая игра в гляделки затягивалась, и долговязый, словно бы внезапно всполошился.

– Тьма меня разбери! Да это же не наш вагон! – он подскочил к подельнику и показал пальцем на номер вагона. – Нам нужен восьмой, а это шестой!

Лысый криво усмехнулся.

– Действительно. Звиняй, карлик, перепутали номера.

Стараясь двигаться естественно и непринуждённо, они быстро смешались с толпой.

Охранник резко и громко выдохнул, будто всё это время задерживал дыхание. На лбу у него проступил пот.

– Благодарю вас, тэр Дукин. Будь я один, они бы порешили меня по-тихому. Видели их кинжал?

Гном кивнул.

– Первый выезд? – поинтересовался гном.

– Второй. Но первый раз, чтоб вот так.

– В следующий раз меня рядом не будет. Действуй спокойно, но твёрдо. Грязь всегда боится силы.

– Учту ваш совет, тэр Дукин. Честно говоря, я всегда думал, что гномы чопорны и высокомерны. Что они и пальцем не пошевелият, если не увидят в том своей выгоды.

Дукин от этих слов сделался серьёзным.

– Вы глубоко не правы, мой дорогой друг. Не высокомерие и чопорность движет гномами. Лишь вопрос уважения. Мы считаем, что уважение зиждется на доверии. Но мой народ потерял доверие к человеческому роду – много лет назад ваши правители бросили нас в битве с элементарями. Как уважать тех, кто уже единожды предал?

Молодой охранник не знал ответа на этот вопрос.

– И в то же время, я понимаю – простой народ не должен отвечать за слова и поступки правителей. Потому я готов помочь человеку в трудную минуту.

Охранник протянул гному руку, и житель гор принял че-

ловеческую благодарность.

Дукин вытряхнул из трубки табак и поднялся в вагон.

5

Два часа спустя поезд пересёк границу северного королевства Атрела. Разделяла два государства мутная зеленая река, раздувшаяся от весенних дождей и подтопившая прибрежные кустарники. В воде плавали разбухшие стволы, торчали ломаные ветки, солома устилала берега заводи. Поезд поднялся на холм, и Сим увидел залитое рекой поле. Несколько домиков курганами торчали из застоялой воды. Мальчик сказал об этом гному, и они почтили память погибших молчанием.

К вечеру равнины за окном сменились невысокими лысыми горами, потянулись скалистые отроги, похожие на скульптуры животных. Симмек иной раз вскрикивал: «Смотри, Хобб! Скала на волка похожа!», на что брат лениво поднимал глаза и пожимал плечами. Или отвечал: «Здорово», но таким тоном, будто у него только что умерла любимая собака. Он всё без конца тасовал и тасовал карты, раскладывал их парами, мастями, складывал разные игровые комбинации, потом собирал колоду, тасовал и повторял всё заново.

Сим пробовал рисовать, подложив толстую книгу под листок. У него вышел худой человек в длинном пальто. В руках он держал посох со светящимся кристаллом на навершии. Рисунок получился по-детски несуразным: руки короче, ноги длиннее, чем нужно, голова и вовсе представляла собой

продолговатое яйцо с ушами и носом. Но Симмек всё равно был доволен, как бывает доволен любой мальчишка, сделавший что-то сам, без посторонней помощи. Он показал рисунок брату, ожидая похвалы. Хобб долго рассматривал нарисованного мага и, глубоко вздохнув, принялся чихвостить младшего. Тут, мол, нарушены пропорции, здесь не хватает тени, и вообще, чародеев не существует! Симмек не дослушал до конца, выхватил у брата рисунок и обиженно поджал губы. Остаток дня он, закутавшись в одеяло, молча разглядывал в окне очертания отрогов атрельских гор.

Заметно похолодало. По вагону прошёл старший охранник и попросил закрыть форточки. Чуть позже Хобб принёс едва теплящийся огонёк на дне пыльной лампы. Гном к тому моменту уже крепко спал. После Пройнина, он молчаливо хмурился, не то от написанного в книге, не то от разбаловавшихся в соседнем купе детей. Пару раз Симмек пытался поговорить с Дукином, пока Хобб отлучался играть, но тот отвечал односложно.

Глубокой ночью Симмеку приспичило по нужде. Сонной походкой он дошел до купе с охранниками. Из-за приоткрытой дверцы раздавался громкий храп. Мальчик прошёл дальше и зашел в узкую комнатку, открыл ногой люк. Примерно в это же время за тонкой стенкой между уборной и тамбуром хлопнула дверь и раздались голоса.

– Захлопнись, Тонкий! – прошипел хриловатый голос.

Симу он напомнил одного мужика из лагеря беженцев. У

него обгорела половина лица, а шрамы еще не успели затянуться, и на тёплом солнце они блестели от мази, которую ему наносили на физиономию лекари. Этот мужик слонялся по улицам палаточного городка и ругался отборными словечками.

– Ещё два вагона подчистим и сойдём в Куркане. Там мой братец схоронит нас в одной из своих лесничих сторожек.

– Ты ему доверяешь? – ответил ему кто-то торопливым молодым говором.

– Верю ли я своему брату? Ты чё, грибов мочёных в Пройнине обожрался?

– Каких грибов, мы ж всё время вместе были.

Хриплоголосый витиевато выругался.

– Тупица! Не задавай мне глупых вопросов!

– Как я узнаю, что вопрос глупый?

Послышался звук удара. Кто-то грохнулся на пол и заскулил.

– Если ты задаешь мне тупой вопрос, я сделаю вот так. Усёк?! – хриловатый голос нагнал на Симмека страху.

Мальчик выскользнул из уборной и быстро побежал в купе. Вернувшись к своей полке, он закутался в одеяло. Сим надеялся, что его не заметили, и отвернулся к стенке. Его била дрожь, и он старался успокоить себя, поджав колени к груди. Меж тем слышались приближающиеся шаги. Два тяжелых сапога и два едва слышных, крадущихся. Они подошли вплотную, и Сим сжался еще сильнее. Послышался

шаркающий звук. Мальчик догадался – их походную сумку вытащили из-под кровати. Звякнули монетки в кошель.

«Воры!» – подумал Симмек.

– Верни на место, – в темноте послышался серьезный голос Хобба, и Симмек, сам от себя не ожидая, обернулся к брату.

Юноша подтягивал к себе ноги и сжимался, подобно пружине или рычагу. В руке поблёскивал небольшой нож.

– Малой, положи зубочистку, – прошипел невысокий кражистый мужчина с лысой головой. – Ты ж не хочешь пораниться?

– Верни деньги в мешок, – угрожающе повторил Хобб.

Сим видел в свете лампы, как блестят глаза брата. Лысый хрипло усмехнулся.

– Держи его, Тонкий! – скомандовал грабитель.

И тут случилось неожиданное. Худошавый воришка внезапно рухнул на пол. Лысый повернул голову, но не успел замахнуться – могучий удар в живот согнул его пополам. Вор захрипел от боли и злости. Когда он разогнулся, то перед ним уже было чёрное дуло пистоли.

– Доброй ночи, – с улыбкой сказал гном и ударил рукояткой грабителя по голове.

6

В шестом вагоне собралась едва ли не половина всех пассажиров поезда.

Как оказалось, воры вывернули карманы и вытащили ко-

шли у двадцати двух человек, а одну дамочку и вовсе заперли в уборной десятого вагона, когда та почуяла неладное и попыталась поднять тревогу. Связанную с грязной тряпкой во рту, её нашли случайно, когда охранники осматривали все уголки поезда.

Глава охранной службы поднялся на ноги и попросил всех успокоиться.

– Господа пассажиры! Я понимаю ваше негодование, но нужно решить, что делать с этими проходимцами! У меня существуют довольно чёткие инструкции по отношению к преступникам, задержанным в поезде, – он сделал паузу, будто припоминая. – По законам военного времени, правонарушение третьего уровня в поезде приравнивается к предательству унии восточных королевств. Если вина подозреваемых полностью доказана и не подлежит сомнению, глава охранной службы «Нэрч и Тэтч» имеет полное право сбросить виновных с поезда на полном ходу, как если бы он судил шпиона Империи.

Толпа согласно загудела, а Тонкий заголосил:

– Ребята, вы чего! Мы ведь просто воры! Обычные, ничем не примечательные воры! Нам всего лишь и нужно было немножко денег! Чтобы отвязаться от мэра Проинина! Не надо нас с поезда!

– Молчи, тупица! – прошипел лысый, но молодой парень не унимался.

– Я не хочу помереть, Гиз! Если нужно, я все расскажу,

как на духу!

Гиз вырвался из рук охранника и ударил головой Тонкого по лицу. Кровь хлынула из носа парня, заливая его небритую физиономию и грязную серую рубашку.

– Заткни своё хлебало, Тонкий!

Лысого грабителя оттащили в сторону и приложили лицом к стене, чтобы больше не дёргался.

– Чего решать-то? Сбросить с моста через Игривую и дело с концом, – послышался молодой голос из дальнего купе, там сидели ребята, которым Хобб проиграл деньги.

Некоторые одобрительно зашумели, но почти сразу их остановил чванливый голос дамы в возрасте.

– Нам не стоит им уподобляться, – горделиво заявила она, стоя у окна, и сложила руки на груди.

В ней чувствовалась особая статья, которая бывает только у знатных особ. Седеющие волосы, педантично подобранные деревянным гребешком, подчёркивали её аристократичность. Однако поношенные мужские вещи – рабочие штаны на лямках и коричневая рубаха, вызывали недоумение. Женщина была не молода, однако на лице почти не было морщин, что делало её ещё привлекательной.

– Вам легко говорить, дамочка, вас-то не обворовали.

– Потому что брать у неё нечего, – добавил кто-то следом, и несколько человек сдержанно посмеялись.

Женщина одарила их презрительным взглядом и невозмутимо продолжила.

– Восточные королевства всегда славились своими законами. Унию признают образцом мирового права даже эльфы. Пока мы жили в мире и согласии, наши земли ставили в пример другим. Но война с Эллегаром свела всех с ума! Обещания, договоры забыты. Все принялись защищать свои богатства.

– Дамочка, мы здесь не о политике толкуем, а о двух ублюдках, которые собирались нас обчистить, – сказал мужик в клетчатой рубашке.

Он был похож на заводчанина: мощные руки и торс, но худые ноги. Рядом с ним стояла худенькая жена со спящим грудным ребенком на руках.

– Закон военного времени! – подавляя волну ропота, дамочка чуть повысила голос. – Его приняли, чтобы оправдать зверства. Вы не видите этого? Какими мы стали? Сплошная жестокость!

– Как будто Империя не творит зверств на захваченных территориях, – донеслось из толпы.

Этот возглас поддержали и другие.

– А вы были в оккупации? Видели эти зверства? Или вам об этом рассказали полевые командиры? Безусловно, получившие информацию из тайных, но достоверных источников. На войне царит ложь и притворство. Можно лишь доверять тому, что видел своими глазами.

– А ты видела? – спросил заводской рабочий.

– Я была в захваченном Иммете. «Серые» не издевались

над мирными, не насиловали девок по сараям и не вешали на столбах шпионов, в отличие от городничего Багряного дола. Пытают там только захваченных в плен офицеров.

– И почему же ты здесь? Как ты выбралась из Имметы? Может, ты шпионишь на Империю? – спросил молодой охранник из шестого вагона.

Пассажиры вновь зашумели.

– Тише! Тише! – глава охраны с трудом уговорил людей. – В одном дамочка права. Нам необходимо голосование!

Народ поддержал идею.

Начальник охраны попросил помощников принести ему бумагу и карандаш для протокола. Когда обоснование суда было написано, он попросил тишины от собравшихся и громко сказал:

– Кто за то, чтобы сдать воров в Бэккедже?

Люди поднимали руки неохотно. Некоторые, встречая неодобрительные взгляды соседей, тут же их опускали и стыдливо прятали глаза. Набралось всего пятнадцать рук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.